«Надломленный вектор развития российской экономики»: заметки к статье

05.11.2022 СТАТЬИ LAW&ECONOMICS НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Согласно опросу Левада-Центра (признан иноагентом) от 25.10.2022, около половины опрошенных хотят решительных и полномасштабных перемен, около трети желают незначительных изменений, и лишь 13% считают, что никаких перемен не нужно. Сторонников решительных преобразований много во всех социально-демографических группах, однако больше всего их среди граждан, критически настроенных по отношению к власти и к развитию дел в стране в целом. Преобладают установка на социально-экономическое благополучие (запрос на рост зарплаты, решение социальных проблем, контроль за инфляцией) и претензии к власти (запрос на смену руководства, прежде всего на нижнем уровне, но не только, а также на борьбу с коррупцией). Из наиболее значимых изменений — появление в первой тройке запросов по поводу мирного урегулирования украинского конфликта.

На этом фоне в журнале «Вопросы политической экономии» № 2 за этот год опубликована статья двух профессоров экономики К.А. Хубиева и И.М. Тенякова «Надломленный вектор развития российской экономики». Рассмотрим ключевые тезисы авторов.

Характеристика сегодняшнего состояния экономики

За 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20–25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. превышало аналогичный показатель в 2,8 раза.

В результате реформ 1990-х гг. наибольшее падение испытало технологически сложное производство с высокой добавленной стоимостью. Экономика России выживала за счет упрощения своей модели и системной примитивизации собственной структуры (*сегодня то же самое говорят про ближайшую перспективу*).

Неравенство в распределении доходов искажает результаты экономического роста, поскольку значительная часть прироста дохода приходится на ограниченное число лиц.

Наиболее сильный спад ВВП (на 42% по сравнению с 1990 г.) произошел в 1998 г. Инвестиции за этот же период сократились на 80%. Это больше, чем в период Великой депрессии и в самый тяжелый для СССР период ВОВ — 1942 г. Сокращение населения — более чем на 10 млн человек. Основные материальные потери — 25 годовых ВВП 1990 г.

О проектах национального развития

«Попытки государства выступить инициатором и катализатором развития, в том числе через реализацию приоритетных национальных проектов, не содержат ни потенциала, ни гарантий прорывного развития».

«Структура собственности в России такова, что лишь 15% основных фондов находится в государственной собственности. Соответственно, происходит присвоение потоков доходов в первичной сфере. Их явно недостаточно для решения важнейшей задачи национального масштаба. Необходимы изменения в основном отношении».

Комментарий

С первым тезисом сложно не согласиться. Ранее та же идея высказывалась Александром Бузгалиным, в рамках проекта которого авторы написали рассматриваемую статью. В интервью, опубликованном в 2019 г., Бузгалин, в частности, отмечал: «Стране необходима стратегия, которая выстроит дерево целей, соединив их между собой, и все они будут бить в одну точку… Нужен стратегический план, одобренный не какой-то персоной в рамках указа или приказа, а парламентом и утвержденный на пять лет. Это была бы реальная экономическая власть, хотя бы отчасти нацеленная на реализацию интересов общества и опирающаяся на плановую подсистему, действующую в условиях рынка».

В прошлом году в рамках рубрики Law & Economics мы задавали российским экономистам вопрос об эффективности разных форм собственности и, в частности, государства как собственника. Однозначного ответа не получили.

Александр Аузан[2]: «Как институциональный экономист, могу вам сказать, что идеального режима собственности не существует… Если у вас из за социального трения трансакционные издержки всегда положительные, то вы никогда не будете иметь оптимальных вариантов. Я не могу однозначно сказать, что та или иная форма собственности лучше».

Григорий Калягин[3]: «Множество эмпирических исследований наглядно показывает, что в

подавляющем большинстве случаев сравнение частного собственника и государства оказывается не в пользу последнего. Но мне кажется, это некоторое упрощение более серьезной проблемы. По многим благам у частного бизнеса либо вообще нет стимулов к их производству, либо эти стимулы неэффективны… Государство — это организация, большая управленческая пирамида, которая в силу своего размера не слишком эффективна, но должна делать то, чем невыгодно заниматься частному бизнесу».

Соответственно, вопрос в издержках, наличии стимулов и посылах в адрес общества. Тему издержек оставим экономистам — очевидно, что с учетом масштабности задачи таковые будут. Кроме того, в условиях сегодняшнего дня нельзя не помнить о рисках, присущих государственным активам. Да, российский бизнес в целом сейчас рассматривается Западом как нерукопожатный, но государственные корпорации буквально взяты под прицел. Поэтому, даже если с точки зрения стратегии видятся какие-то плюсы в огосударствлении, тактически это может создать дополнительные риски.

---

[2] Legal Insight. — 2021. — № 6 (102).

[3] Legal Insight. — 2021. — № 7 (103).

Говоря о стимулах в плановой экономике, приведу пару примеров. На днях Forbes опубликовал примечательную статью о блате и взятках в СССР, в которой, в частности, обращается внимание на востребованность в то время института так называемых толкачей. Плановая экономика не могла работать без дополнительных стимулов и параллельных структур-подпорок. Деятельность «толкачей» официально осуждалась, но фактически признавалась неизбежным злом, компенсирующим недостатки централизации. «Толкачи» оперативно обеспечивали предприятия необходимыми ресурсами, которые, следуя формальным правилам, получить вовремя (а то и получить вообще) было невозможно». С большой вероятностью возврат под «государственное крыло» приведет к увеличению количества лоббистов, помогающих решать вопросы с госчиновниками. Они и сейчас есть,

но спрос, а соответственно, и цена их услуг серьезно увеличатся.

Другой пример есть у Джозефа Стиглица: «Предприимчивые руководители предприятий заключали соглашения друг с другом, чтобы иметь возможность выполнить плановое задание, попутно получая несколько более высокие доходы по сравнению с теми, которые они могли получить в качестве официальной заработной платы. Подобная деятельность, в которой постоянно нуждалась советская система для простого обеспечения собственного функционирования, породила коррупцию, которая усилилась с началом перехода России к рыночной экономике. Обход действовавшего законодательства, если не открытое его нарушение, стали частью образа жизни, предтечей конца верховенства закона...» Иными словами, в ситуации, когда невозможно определить интересы акционеров, поскольку возможные конфликты интересов происходят «внутри» госструктур, все более высокую роль будет играть менеджерский оппортунизм.

Что касается сигналов обществу, то наиболее очевидным из них будет: «Я (государство) — хозяин своего слова, хочу — даю, хочу — забираю». Вопрос в том, готов ли бизнес в этих условиях инвестировать в экономику.

Об итогах приватизации

> «Имущество государства на очень льготных условиях перешло в формы частной собственности. Непосредственные производители благ утратили даже опосредованное (через государство) владение ресурсами, особенно средствами производства».
>
> «На практике не сработал всеобщий исторический закон эффективности частной собственности».
>
> «Создание акционерных обществ в 1990-х гг. лишь формально соответствовало их названию. Под создаваемые АО новые проекты не разрабатывались, новые средства не привлекались, новые рабочие места не создавались. Новые собственники не несли никаких рисков и ответственности. Они не

создавали и не приобретали новую собственность, а ею наделялись».

«Частный бизнес, которому переданы ресурсы… не заинтересован в расходовании средств на развитие отечественной экономики. Государство, периодически инициирующее прорывное развитие, уже не обладает для этого ресурсами… Экономическая система России деформирована в фундаментальной основе на уровне отношений собственности… Решение проблемы такого уровня связано с передислокацией собственности, соответственно, экономической власти и социальной структуры общества».

Каковы возможные варианты решения проблемы деформации?

«Государство может национализировать ресурсы и потоки доходов рентного и монопольного происхождения. Это его конституционное право, и оно не требует специальных решений и акций. Более радикальным вариантом преодоления деформации в основе системы, требующим политических решений, является реприватизация. Это не конфискация, а объявление всех ранее приватизированных предприятий объектами инвестиционных конкурсов. Победители конкурсов возмещают прежним владельцам средства, потраченные при приватизации. Победителями инвестиционных конкурсов могут быть нынешние владельцы, новые владельцы, государство, трудовые коллективы. Победители инвестиционных конкурсов избавят экономику от эффекта наделенной собственности. Им на смену придет собственность приобретенная, с реальными стимулами развития. Соединение двух уровней реформ образует системное качество программы развития в новой экономической модели».

КОММЕНТАРИЙ

Александр Бузгалин: «Основная экономико-политическая власть в России сосредоточена в руках крупного капитала, сросшегося с государственной бюрократией. Такой симбиоз образует все более устойчиво воспроизводимую общественную силу, страту —

номенклатуру, работающую в своих интересах и подчиняющую использование и общенародных, и частных ресурсов собственным интересам. Данный социальный слой использует в своих интересах прежде всего рентные доходы. Это доходы от всех видов природных ресурсов, от возможности использовать в частных целях доходы бюджета. Плюс к этому они создали экономико-политическую систему, в которой нет институтов, способных поколебать их власть».

В 2002 г. нобелевский лауреат **Джозеф Стиглиц** [8] писал: «Приватизация, сопровождавшаяся открытием рынков капитала, привела не к созданию богатства, а к выводу активов. Это было полностью закономерно. Естественно, что олигарх, который уже смог использовать свое политическое влияние для получения активов, стоящих миллиарды долларов, заплатив за них лишь небольшие деньги, захочет вывести свои деньги из страны. Хранение денег в России означало их инвестирование в страну, находящуюся в состоянии глубокой депрессии, и риск не только получения низкой прибыли, но и конфискации активов новым правительством, которое рано или поздно выскажет вполне обоснованные сомнения в «легитимности» процесса приватизации...»

Все правильно. Проблема в том, что отсутствует какой-то особый «социальный слой», который будет вести себя иначе в качестве собственника / распорядителя основных средств. Кто эти люди, которые могут позволить себе купить современную российскую корпорацию? Те же самые олигархи, которые заработали миллиарды, вывели их за границу и сейчас ожидают, примет ли ЕС решение о конфискации замороженных активов российских лиц.

Есть и чисто юридические вопросы. Значительная часть приобретенных в ходе приватизации обществ реорганизовывалась, сливалась и поглощалась, меняла собственников. Что делать с добросовестными приобретателями и с тем фактом, что за прошедшее время состав активов мог существенно измениться? Кроме того, если лодку с легитимностью прав собственности начнут раскачивать, существует серьезный риск того,

что Россия как юрисдикция проиграет конкуренцию новым геополитическим союзникам. Объемы релокализации бизнеса в Турцию, Армению, Казахстан и ОАЭ тому подтверждение. К сожалению, государственная политика на протяжении долгих лет вырабатывала у россиян рефлекс в любой неопределенной ситуации прятать нажитое от государства.

---

[8] Stiglitz, J.E. (2002). Who Lost Russia? J.E. Stiglitz, Globalization and Its Discontents, New York, W. W. Norton, 133165, 258261. © Stiglitz, 2002; © W. W. Norton, 2004.

О защите права частной собственности

> Ни одна страна в мире не сделала для частной собственности столько, сколько было сделано для нее в России. В частные руки передан был беспроцентный объем имущества и ресурсов, включая природные. Достаточно обратиться к аналитическим материалам счетной палаты РФ, чтобы убедиться в необоснованности мнения об ущемленном положении частной собственности со стороны государства (Счетная палата, 2004). На самом деле, в защите нуждаются другие формы собственности, отражающие интересы абсолютного большинства граждан России и защищенные Конституцией».

КОММЕНТАРИЙ

Здесь происходит подмена тезиса: передача имущества неэквивалентна защите прав на нее. Освежить память о том, как происходит передел собственности, можно на примере металлургической отрасли в период с 1991 г. по 2000 г.: создание корпорации на базе министерства — приватизация предприятий отрасли — создание трейдинговых компаний за рубежом, создание менеджментом компаний для скупки акций, создание отраслевого банка — незаконная скупка контрольных пакетов, захват зданий, убийства, передел собственности. Где гарантии, что предлагаемый авторами новый передел собственности через инвестиционные конкурсы будет происходить иначе? А если все повторится, является ли

такой передел благом для общества?

О независимости суда

> «Здесь проблема перевернута с ног на голову. Избыточная свобода и независимость судей͡ являются главной͡ причиной͡ многоуровневой͡ коррупции в этой͡ системе. На самом деле, необходим контроль за деятельностью судей͡, но не государственный͡, а общественный͡».

КОММЕНТАРИЙ

Здесь между тремя тезисами причудливо создается причинно-следственная связь, по факту отсутствующая:

1. «Судьи свободны и независимы». Под независимостью судей понимается независимость при принятии решений, а также независимость судебной власти от других ветвей власти. И можно ли при таком толковании говорить о ней как об избыточной?

2. «Наличие коррупции в системе». С этим никто не спорит, но коррупция не является следствием судейской независимости в ее классическом понимании.

3. «Необходимость общественного контроля по аналогии с СССР». Не критикуя идею, отмечу: чтобы судить о ее целесообразности, имеет смысл сначала удостовериться в эффективности подобной формы контроля, отсутствии коррупционных рисков, а также в гарантиях независимости судей. Представляется, что основой для создания любой системы контроля в современном обществе является раскрытие информации и наличие независимых СМИ.

Выводы

Умение без крика дискутировать на сложные темы — признак здорового общества. Я

рассматриваю появившуюся статью именно в этом контексте — как поиск предмета для нового общественного договора. Он действительно нужен, но важно помнить и о том, что сейчас не время совершать любые шаги, которые могут увеличить бремя издержек российского бизнеса.

Если же говорить о более широком контексте взаимоотношений государства и общества, то после выполнения тех запросов со стороны последнего, которые были зафиксированы Левада-Центром, ключевой задачей, пожалуй, является поиск способов установления более доверительных отношений между обществом и государством. В противном случае Россия продолжит терять ресурсы, главным из которых являются люди.

Мы уже пробовали жить в рамках плановой экономики с государственной собственностью на средства производства, может, стоит попробовать что-то новое? В свое время неплохие (и быстрые) результаты показала НЭП. Даже в не самых демократичных режимах, вроде Турции и Китая, вклад предпринимателей в ВВП составляет 60 % (у нас 10-15 % было в прошлом году, сейчас наверняка меньше).

Суд является одним из системообразущих элементов в государственной системе. Возвращаясь к теме доверия, отметим, что это тот институт, который должен обеспечивать такое доверие самим своим существованием, поскольку его задача — восстановление справедливости. Выполняет ли суд эту функцию? С грехом пополам. Основная претензия со стороны пользователей услуг судебной системы — недостаток независимости и профессионализма, поддерживаемый замкнутостью системы. Изменение ситуации — из области фантастики в прямом смысле слова. Помнится, в «Академии» Айзека Азимова альтернативу заложили на другой планете. У нас другой планеты нет, но систему можно сменить, сместив вектор с государственных судов к единой ветке судов коммерческих, сформированных с нуля на профессиональной основе.

Верните ВАС!

Екатерина Макеева заместитель главного редактора Legal Insight

СТАТЬИ LAW&ECONOMICS НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ